

Екатерина Кариди

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Бывшая любовница

Екатерина Руслановна Кариди

БЫВШАЯ ЛЮБОВНИЦА

Серия «БЫВШИЕ», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67737966

SelfPub; 2022

Аннотация

Они дружат с первого курса, Маша, Аня и Андрей. Между Машей и Андреем завязывается горячий роман, но он просит оставить все в тайне. Девушка соглашается, потому что любит его, и думает, что он на ней женится. Однако у Андрея свой план. Выгодно жениться на Ане, а Машу оставить любовницей. Когда это выяснится, Маша решает навсегда исчезнуть из жизни бывших друзей и посвятить себя карьере. Объявится всего однажды, поздравить их со свадьбой. Но так ли хорошо все сложится у Андрея с молодой женой, как он планировал? Пройдет несколько лет, судьба снова сведет их вместе. Новая встреча перевернет все.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	31
Глава 4	46
Глава 5	54
Глава 6	71
Глава 7	81
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Екатерина Кариди

Бывшая любовница

Глава 1

Такси ловко продиралось в пробке, водитель несколько раз поглядывал в зеркало на пассажирку, замершую в страсти на заднем сидении. Какую-то несчастную и бледную. Потом сосредоточился на дороге, понимая, что ничем тут не поможет. А девушка в вечернем платье глядела в окно, но не видела и не чувствовала ничего, она проживала заново свою жизнь.

Иногда надо вернуться вспять, чтобы понять, где была допущена фатальная ошибка. Говорят, если точно вспомнить свои впечатления в самом начале, ее можно уловить. Но память упрямо подсовывала другое.

Свежее, горячее, ранящее до крови.

***

Выпускной банкет был в самом разгаре. Тот самый чудный момент, когда диплом в кармане, торжественные речи

и протокольные тосты отзвучали и настает безудержное веселье праздника. Маша с Аней успели нахохотаться и натапцаться и теперь, разгоряченные шампанским и танцами, убежали чуточку охладиться и подкрасить губки.

Маша мыла руки, загадочно улыбаясь своему отражению, она вообще весь день была слегка взвинчена и немного рассеянна, наверное, потому не сразу услышала, что Аня повторяет уже третий раз:

– Машка, смотри!

– А?!.. Прости, задумалась я что-то, – очнулась со смехом.

Замечталась. Не сразу поняла, что подруга показывает ей весьма приличный брюлик, примостившийся на ее безымянном пальчике.

– Оооо! Классно! А почему я раньше его у тебя не видела?

Подруга закатила глаза и, соорудив невероятную мину, выдала шепотом:

– Потому что это был секрет! Андрей просил пока ничего не говорить. Может, сегодня на банкете объявим. Если он разрешит.

И тут в душе у Маши наконец-то трепыхнулось нехорошее предчувствие.

– Андрей просил? – переспросила она.

– Ну да, сказал, сюрпризом будет! Машка... Я так счастлива! У него все-таки есть вкус, да? Красиво? Что скажешь?

Анна, светясь извечной женской радостью, любовалась на колечко, а до Марии медленно и верно доходил смысл ска-

занного. Умом-то поняла, но не осознала, в голове не укладывалось. Осторожно спросила, холодея внутренне:

– И что за сюрприз?

А мысли заполошно заметались. Не может быть...

– Андрей мне вчера предложение сделал, – горячо зашептала Аня, вытаращивая глаза.

Маша не могла, отказывалась верить, потому что Андрей был эту ночь с ней. С ней! Да они три года уже!!!.. Вчера был с ней, и у них был секс, а перед этим делал Аньке предложение?..

Мысли сшиблись в критическом столкновении. Ступор.

А потом напал смех. Истерический смех, она никак не могла остановиться. Аня потрясенно уставилась на нее:

– Машка, с тобой все нормально?

Маша хохотала, а в голове металось: «Нормально? Нормально... Нормально?!»

Когда смогла выжать из себя хоть слово, сказала, продолжая смеяться и вытирая выступившие слезы:

– Прости. Я так рада за вас... Ты... иди. Иди! А я сейчас. Мне надо...

И хаотично махнула рукой, не зная, как спровадить сиявшую счастьем подругу, чтобы не согнуться от боли при ней.

– Ну ладно, ты это... – пробормотала та.

– Иди, – выдавила, опираясь ладонями о раковину. – Я сейчас.

Та наконец вышла, а Маша застыла, закрывая глаза.

Пытаясь уложить в голове кошмарную правду.
А все так просто.

***

Почти три года встречаться с ним на съемной квартире по два-три раза в неделю! Безумный, невероятно горячий и сладкий секс и никаких разговоров. Табу. Ему так нравилось!

А в обычной жизни можно вполне успешно притворяться просто друзьями, потому что Андрей с самого начала хотел оставить все как есть и никому ничего не рассказывать. Особенно Ане.

Ей бы сразу догадаться...

Андрей же никогда не заговаривал с ней ни о любви, ни об отношениях. Но она-то по-бабьи верила, что у них все по-настоящему, лелеяла тайные надежды. Вот отучатся, и он наконец-то позовет ее замуж.

Позвал. Только не ее, а Аньку.

Так глупо, глупее не придумаешь. Вчера, после всего, Андрей сказал, что приготовил сюрприз. Дура бестолковая, весь день сегодня млела, ждала...

Сюрприз! Новый приступ хохота заставил Машу согнуться пополам.

Внезапно хлопнула дверь.

– Что с тобой?! – резко, тревожно.

Андрей. Он и голоса-то не повышал, а Маша поняла – весь какой-то слишком напряженный. Шагнул к ней.

Бешенство поднялось изнутри. Дикая обида. Казалось, ее сейчас разорвет от эмоций. Обернулась, только рот открыла, чтобы ему все высказать, но в это время, словно в замедленной съемке, начала открываться дверь. И голоса. Сокурсница Белка Сагитова и преподша-англичанка.

Дальше все случилось в мгновение ока. Одним быстрым движением Андрей схватил ее в охапку, затащил в кабинку.

– Молчи! – одними губами.

Глаза дикие, притиснул, зажимая рот ладонью.

И от всей этой идиотской ситуации, от злости своей и его, от властной грубости вдруг сорвало тормоза. Возбуждение хлынуло огненной волной, сжирая разум, заливая кипящим жаром обиду, все. Все. И ведь не только ее, судя по тому, как он остервенело вжимал ее в стену, его торкнуло еще сильнее! Одна рука продолжала зажимать рот, а вторая полезла в разрез платья, добираясь до тела. Дыхание шумное, тяжелое, как будто марафон бежали. Добрался.

А там мокро. Да! Выдохнул ей в губы, а у Маши искры под веками. Горячо, жарко, нечем дышать, только им проклятым. Яд! Давно уже ладонь заменили губы жадные. Ее стоны глотать, душу высасывать. А руки...

Одной крепко держал за талию, другой сдирал белье, мял, тискал, пощипывал, гладил... Молча, страшно, властно, уни-

зительно. Так горячо и сладко, что слезы по щекам. А потом на себя ее. Вжимать, вдавливать, драть душу в клочья, пока тело несется на волне дикого наслаждения в рай.

И некогда остановиться, чтобы помыслить, что нельзя это им, уже нельзя!!! Что горько. Ужасно! Невозможно. Не дает остановиться, мозги включить...

Так всегда между ними было. Горячо. Безумно страстно.

Маша и не заметила, что голосов больше не слышно, они снова одни. Андрей чуть отодвинулся, позволил ей ступить на пол, а ноги не держат, после пережитого. Он ее приобнял. Мягко, властно, заботливо. Словно не...

– Это и был твой сюрприз? – выдохнула еле-еле.

Взглянул нечитаемо. Хмыкнул:

– Не совсем.

Взгляд насмешливо-циничный, горьковатый.

– Ты как, маленькая? – И большой палец по губам.

А ее в дрожь. Обида вернулась стократно, задрожала слезами.

– Ты же... Ты же три года со мной, а теперь женишься на Ане? После всего, что у нас было? И я узнаю об этом вот так?

И слабость такая, нет сил даже его оттолкнуть. Перехватил ее удобнее, уселся сверху на стульчак, а Машу к себе на колени. Голову ее к плечу прижал.

– Во-первых, я собирался сказать тебе, просто Анька опередила, – проговорил, медленно поглаживая.

Голос звучал странно, как через силу. Маше хотелось от-

дернуться, закричать, но не пошевелиться, она была сейчас безвольна в его руках. Это какое-то проклятие...

– А во-вторых, – тон его чуть изменился. – Что у нас с тобой было, Маша? У нас был секс. Не спорю, крышесносный.

Он хрипло и как-то болезненно рассмеялся, руки снова пришли в движение, шаря по телу, а губы проглотили протест. Когда он оторвался, Маша дрожала в его руках, проклиная себя и позорно ожидая продолжения.

– Но это просто секс, – Андрей выдохнул и пожал плечами.

– Что... Ты... Ты сволочь!

– Чшшш, не надо закатывать истерику. Ты сама хотела этого не меньше, и тебя все устраивало.

– Но я же... Я же думала... Я любила тебя все это время!

Андрей цыкнул, добираясь до тела и сцеловывая вздох:

– Успокойся, все это время ты любила мой член, а вовсе не меня.

Его рука там, его слова, режущие не хуже ножа.

– Да как ты так можешь?! – задыхнулась Маша.

– Не ты, а мы! Мы, Машенька. Ты сама на меня прыгала.

Слезы хлынули, Маша рванулась из его рук.

– Я сейчас все Аньке расскажу!

Но он держал крепко. И обжигал дыханием, уговаривал:

– Ну все, все. Перестань. Ты этого не сделаешь. Потому что тогда я никогда не прощу тебя. И ты себе не простишь, если испортишь жизнь ближайшей подруге. Все хорошо, пе-

рестань.

И она рыдала в его объятиях, а он так нежно гладил ее по спине, как будто любил. И в его объятиях было почему-то так хорошо, спокойно. Как дома.

Извращение какое-то. И это проклятое послевкусие после секса, как торнадо прошелся в крови. Осознавая, что унижаться дальше просто некуда, Маша спросила, силясь понять:

– А как же я, Андрюш? Ты же любил меня...

Он продолжал обнимать ее, но отвернулся. Проговорил со странной интонацией:

– Я не любил тебя, нам просто было хорошо вместе. Но жизнь так устроена, иногда надо что-то менять.

Господи... как чудовищно все. И все же сказала:

– Если тебе надо жениться, женись на мне. Почему именно на Аньке, Андрюша?

– Я бы все равно никогда на тебе не женился, маленькая моя. Ты посмотри на себя, разве на тебе можно жениться?

Он горько улыбался, а рука поглаживала ее там. Унизительно, оскорбительно, а у нее дыхание сбивалось от сладких ощущений. Есть ли дно этому унижению...

– А что не так со мной, почему на мне нельзя жениться? – выдавила через силу.

– Ты посмотри на себя, ты же течешь как сучка. Ну какая из тебя жена?

В его устах это звучало так несправедливо, цинично и же-

стоко, что Маша была просто убита свалившимися на нее откровениями. Замолкла, ушла в себя.

– Кстати, о сюрпризах, – проговорил Андрей со вздохом. – Ты же так и не дала мне рта раскрыть.

Он потерся носом о ее шею за ушком, дунул на кожу, поднимая волну мурашек. Как это ни ужасно, даже в этой ситуации Андрей смог добиться от нее мгновенного отклика. Тихонько засмеялся, осознавая свою власть, словно внушал ей:

«Ты моя, запомни».

И поцеловал.

Почему этот урод так на нее действовал? Он же только что унизил ее, растоптал, смешал с грязью, а она дрожит от страсти в его объятиях. Впрочем, сейчас она вовсе не смогла бы ответить, что и почему делает, какая-то белая мусть заволокла мозги, выключая из действительности.

– Я снял другую квартиру, больше, удобнее. Для нас, – с каким-то затаенным восторгом проговорил Андрей, ссаживая ее с коленей.

– А как же Аня? – пробормотала Маша в прострации.

– А что Аня? – спросил он, бросив взгляд на часы. – Анна здесь ни при чем. Ей об этом незачем знать. И ты ей о нас никогда ничего не скажешь.

Вновь она оказалась в его руках, а он давил волей, не давал передышки, не давал думать.

– Ты же ее любишь, она твоя подруга. Так? Не скажешь?

В полном бесчувствии Мария покачала головой.

– Вот и умница.

Кивнул удовлетворенно, провел большим пальцем по щеке, растягивая край ее губ в улыбку, и сказал:

– У нас все будет хорошо, очень хорошо. А теперь успокойся, приведи себя в порядок и возвращайся в зал.

И ушел, оставив ее одну в кабинке. Как в руинах.

Снаружи снова слышались голоса. Маша выждала, пока все стихло, и вышла, потому что привести себя в порядок действительно нужно.

Но только в зал она не вернулась.

Глава 2

Руины... Вместе с Андреем ушла белая муть, заволакивавшая ей разум.

В душе кислотой разливалось холодное, мертвящее омерзение к себе.

Какова глубина пропасти, в которую она сама себя затолкала? Где была ее гордость? Мозги? Как можно так унизиться, до такой степени потерять самоуважение?

Течная сучка. Отвратительная, похотливая тварь. Но больше этого не будет.

Умереть можно лишь однажды.

Подняла с пола сумочку, не помнила, как, когда ее уронила. Трясущимися руками вытащила сигареты, которые таскала больше для приличия, потому что почти все вокруг курили. Пригодились. Прикурила, глянула на себя. Из зеркала на нее смотрела чужая женщина с безумными ввалившимися глазами, ее Маша больше не хотела знать.

Забыть. Забыть все к чертям.

Но прежде запомнить, чтобы больше никогда не забывать.

А ведь начиналось все хорошо, светло так, чисто. Познакомились на вступительных экзаменах, подружились как-то сразу, еще когда документы подавали на факультет информатики и систем управления. Мария Вайс, Анна Дуброви-

на и Андрей Вольский. Потом попали в одну группу и втроем ходили везде: на пары, на обед, в кино, по гостям. Вместе им никогда не бывало скучно, всегда находились интересные темы для разговоров. Гибкие мозги, языки острее бритвы, что называется, братья по разуму.

И даже семьи у всех троих были одинаковые: родители в разводе и благосостояние среднее. Правда, у Андрея отец был какой-то финансовый воротила, но он с отцом не общался, предпочитал обходить эту тему молчанием. Свой скелет в шкафу, то есть тайный предмет гордости, есть в каждой семье. Аня вот тоже не любила распространяться, что у нее дядя в теневом бизнесе, а у Маши дед был из репрессированных немцев.

Казалось бы, обычные, нормальные, среднестатистические студенты и просто хорошие друзья. Если бы не нюанс. Но тогда Маша была слишком молода и беззаботна, чтобы нюансы анализировать.

Плотная опека. Ей бы заметить сразу...

А парней с курса это здорово подбешивало. Андрею даже пытались предъявлять, что прибрал к рукам двух самых клевых девчонок, но он довольно быстро все пресек. Умел себя поставить, к тому же был старше, опытнее и независим материально. Это как-то сразу подчеркивало его превосходство над остальными. И внешность, конечно. Жгучая, самцовая, brutальная.

Все было хорошо, светло и чисто до того случая в начале

третьего курса. Они, как всегда втроем, возвращались с пар, и тут разразился ливень. Пока добежали от крыльца института до машины Андрея, успели вымокнуть до нитки. Это было смешно, девчонки похожи на мокрых куриц. Завезли сначала Аню, она ближе жила, а потом поехали к Маше.

Дома никого. Мокрая одежда, молодые тела, близости было не избежать. Все случилось безумно и страстно. Для Маши первый раз, и словно чудо. А он почему-то настоял оставить это сумасшествие в тайне. Маша не знала, зачем это ему, но не посмела возразить.

Теперь-то она понимала, зачем и почему.

Но столько времени прошло, а ощущения не притупились, были свежи, как... открытая рана. Ей бы попытаться тогда еще понять, чего на самом деле хотел Андрей, а не смотреть сквозь розовые очки. Но слишком сильны были впечатления, поглотили ее.

А потом настало сегодня. Очки разбились.

***

Довольно.

Затушила сигарету, умылась и набрала такси. Будет через пять минут, хорошо. Господи, как удачно, что она, идя в туалет, захватила с собой клатч, не нужно за ним возвращаться. Палантин... да и черт с ним. Вышла на негнущихся ногах в

коридор, осторожно осмотрелась, чтобы не попасться никому на глаза. И пока в зале гремела музыка, выскользнула наружу. Торопилась, как будто в спину кто-то гнал.

По счастью, спасительное такси уже было на месте, должно же было ей хоть в чем-то повезти сегодня. Назвала адрес, попросила быстрее, водитель оказался понятливым, вопросов не задавал, только молча кивнул и погнал.

В такси она наконец успокоилась. Словно рябь улеглась на поверхности пруда, оставив всю грязь на дне. На дне души. Как клад морской. Клад... Снова стало безудержно смешно.

А здорово, да, узнать всю правду о себе за пять минут?

– Пять минут, которые перевернут твою жизнь! – повторяла про себя Маша, хохоча до слез.

– Девушка, вам плохо? – не выдержал водитель, озабоченно поглядывавший на нее в зеркало заднего вида.

Хотелось кричать: «Да! Мне так плохо, что я просто умираю!»

Но вместо этого Маша внезапно собралась и проговорила уже спокойным тоном:

– Вы не могли бы подбросить меня в аэропорт?

Таксист удивленно на нее воззрился.

– Сейчас заедем. Буквально полчаса подождете, а потом в аэропорт. Подождете? Мне срочно. Очень нужно. А я простой заранее оплачу.

– Не вопрос, – кивнул мужчина, заворачивая руль. – Конечно, подожду.

С того момента отсчет пошел на минуты.
И, как оказалось, не зря.

***

Состояние, в котором был Андрей, иначе как бешенством не назвать.

Все шло хорошо. Этот брак был нужен, потому что ему надо встать на ноги. Подняться. А идти на поклон к отцу Андрей не хотел, не мог забыть обиду, что он их с матерью бросил. И будь отец хоть трижды олигархом, не пойдет он к нему нищим, не станет просить подачку. Потом, когда сможет говорить на равных.

А у Анны дядька, двоюродный брат матери, не последний человек в теневом бизнесе, обещал помочь будущему зятю. Аня домашняя девочка, строгое воспитание, из нее получится отличная жена, родит детей, будет следить за домом. Андрей всегда знал, что нравится ей. А про Машу и говорить нечего, Маша в другом приоритете, должна же быть у мужчины отдушина.

Он с первого дня положил глаз на красивых беленьких девчушек, берег их для себя и сейчас собирался оставить себе обеих. Аню для семьи, а Машу «для души». Андрей был уверен, что легко потянет и семью, и любовницу.

Нет, он, конечно, предвидел, что Маша расплатится, но ее

слезы легко было осушить. Чего Андрей никак не ожидал, так это того, что Анна вздумает трепаться. Он же просил ее молчать пока. Он же объяснил! Черт бы ее побрал!

Когда она, бесхитростно глядя на него прозрачными глазами невинности, выдала, что Маша теперь все знает, еле сдержался, чтобы не заорать: «Какого хрена! Я же просил!»

Но вместо этого Андрей снисходительно улыбнулся будущей жене и мотнул головой:

– Иди за стол.

– А ты? – и взгляд такой цепкий проскочил у Анечки, что он впервые заподозрил, а так ли бесхитростна девочка?

– А я сейчас, только носик попудрю, – отшутился и пошел к туалетам.

Знал же, что у Машки наверняка сейчас истерика. А он терпеть не мог бабские истерики. Хотел успокоить, поговорить, просто поговорить. По-людски. Она бы поняла, должна была понять. А вышло как вышло. Его самого так вштырило от всего этого, руки до сих пор тряслись.

Когда уходил, Мария вроде успокоилась, уж он постарался сразу все ненужные моменты отрубить, но и ясно дал понять, что у них ничего не изменится. Как она имела его член, сколько хотела, так и будет. Всегда. В конце концов! Он же собирался дать ей ВСЕ и даже больше!

Вроде же объяснил.

Но как червяк в душе ворочался, рождая беспокойство. А Машка все не шла. Не смог за столом высидеть, пошел

вытаскивать ее из туалета. И опоздал.

Злой как черт, Андрей готов был сорваться искать Машку. Но Аня как специально повисла на нем, тащила танцевать. Сказала, что Маша звонила ей, передала, мол, плохо себя чувствует, гуляйте без нее. Уговорила. Скрепя сердце, Андрей вернулся в зал.

Потом он несколько раз набирал Машку. Абонент недоступен.

Пальцы скрючивались от нервности, так и хотелось надавать ей по заднице. Умом понимал, что девчонке сейчас лучше побыть одной, переварить, успокоиться. Но завтра...

Завтра с утра она у него получит!

Однако телефон Марии так и не включился. Он звонил и ночью, и с утра, и потом еще несколько раз, пока к ней ехал. А там закрыто, дома никого.

Вот тут настал настоящий страх вперемишку с яростью и досадой.

Проклиная все на свете, метался по городу, обзванивал морги и больницы. Потом догадался рвануть к ее матери на дачу. Та вообще не в курсе была, посыпались вопросы. Вовремя спохватившись, выдал версию, что Машу просили срочно зайти в деканат. Женщина заволновалась, кинулась обзванивать знакомых. Просила Андрея помочь, все-таки он был на хорошем счету, друг и однокурсник дочери. Втайне радуясь, что Машка не разболтала матери об истинной природе их отношений, Андрей клятвенно обещал сделать все,

что будет в его силах. Потом они звонили к отцу Марии, с которым ее мать уже почти девять лет была в разводе. Но и тут ничего.

Андрей готов был лопнуть от злости и волнения. Но надо ж держать лицо! Еще и Аня названивала. Им заявление идти подавать, потом с родней встречаться, договариваться о свадьбе. Выругался сквозь зубы и уехал. Но оставил Машиной маме свои контакты и просил перезвонить, как только что-то прояснится.

***

Это оказалось сложно, изображать уверенность и улыбаться, когда мозги заняты совершенно другим. Но он изображал уверенность и улыбался невесте, ее родне. А сам каждую минуту ждал звонка и исходился на дерьмо. И к концу дня уже не знал, придушит он Машку со злости, что заставила так нервничать, или... Сам не знал.

Вечером позвонила Машина мама.

– Что? Что-нибудь узнали? – тут же вышел во двор.

– Да. Ой... Даже не знаю, как сказать...

А у него аж горло сдавило. Сглотнул, прокашлялся, повторил мягко:

– Что-нибудь узнали?

– Да, Марийка звонила. В общем, она уехала отдыхать.

– Отдыхать? – оторопел Андрей. – Куда?

– В том-то и дело, что не знаю. Она только сказала, у нее все хорошо и что сама перезвонит. Да! Она сказала, что договорилась, в деканат ей не нужно! Ой, я не знаю, Андрюша, что на нее нашло. Извините за беспокойство, спасибо вам огромное...

Дальше он просто не слушал, буркнул что-то вежливо-обтекаемое в ответ и отключился. Вот теперь Андрей действительно готов был придушить взбалмошную истеричную дурку. Отдыхать она поехала! От злости в глазах потемнело. Он здесь себе места не находил, весь на нервах, а она отдыхать поехала!

Потом неожиданно успокоился. Пришла холодная ярость. Так даже лучше. Не будет слез, скандалов. Перебесится, через неделю приползет сама. Тогда он ей покажет, где зимуют раки. Но далеко в глубине сознания, под спокойствием, под той грубой самцовой бравадой словно сломанный поисковик включился, ища недостающую часть души. Фрустрация.

А в жизни надо было разделять приоритеты и заниматься первостепенным. Свадьбой.

С того момента Андрею уже не так трудно было изображать счастливого жениха перед Аниной родней. С дядькой ее авторитетным выпили, Андрей не оплошал, его от злости хмель не брал. Обсудили, дату свадьбы через месяц назначили. В какой-то момент Андреем овладело чувство, что его по-быстрому загнали в стойло, но он мысленно хохотнул. Где

сядут, там и слезут.

Ну вот, все наладилось. В дело его взяли, невеста смотрела влюбленными глазами.

Так откуда ощущение, что он про*бал свой шанс?!

Да еще тещиных харчей привкус этот поганый, вроде ж все вкусно было, а как отравы наелся.

***

Вчера Маша действительно звонила Ане из дома. Таксист должен был ждать ее полчаса, а она ж на взводе собралась вдвое быстрее, металась молнией. Просто покидала в чемодан немного тряпок, взяла деньги и... И все.

Присела, зажав в руке телефон. Вся эта смесь чувств, бурливших в ней, требовала выхода. Но она давила в себе это, давила, заливала холодом. Потому что смысла нет.

Демонстрировать свой голод там, где тебя не накормят, глупо и унижительно.

Предъявлять? Кому? Мужу, к которому сама прыгнула в койку по щелчку пальцев, за то, что не оправдал ее глупых ожиданий? Маша мрачно рассмеялась. Во всем виновата только она сама.

Она посидела еще с минуту, а потом набрала Аню.

– Да? – весело ответила подруга.

Может, конечно, и показалось, но за весельем чудилась

настороженность. Нет, подумалось Маше, то, что у нее все хреново, еще не повод подозревать в смертных грехах лучшую подругу.

– Слушай, – сказала уклончиво. – У меня тут пробой диэлектрика. Короче, сама понимаешь... Так что гуляйте без меня.

Это был их условный сигнал, подружка знала, что у Маши иногда бывали болезненные месячные.

– А? Плохо, что ли? – понимающе спросила Аня. – Ну ты лежи, не вставай. И грелку возьми.

– Да. Я возьму. А ты... Давай.

Ну вот, дело сделано.

Отключилась, посмотрела на трубку в своей руке и вытащила симку. Так-то лучше.

Еще раз оглядела дом и вышла.

А потом молчаливый таксист на диво быстро домчал молчаливую девушку в аэропорт. Хотелось улететь куда-нибудь поближе к солнцу. Лето же, законный месяц отпуска. В Геленджик или в Анапу, да хоть куда! Для начала она на месяц пропадет, исчезнет из обычной жизни. Потому что надо все переварить и успокоиться. А потом решить, как жить дальше.

Все оказалось немного сложнее, но она все-таки улетела той же ночью. Улетела туда, куда удалось найти билет, в Адлер. А там еще несколько выматывающих душу перемещений, и в конце концов ей удалось осесть в какой-то комнатен-

ке где-то в приморской деревушке, куда ее сблатовала бойкая квартирная хозяйка, ловившая клиентов на автовокзале. Улеглась в постель, накрылась с головой.

И плакала, плакала, плакала.

***

Говорят, утро вечера мудренее. Но уж жарче и шумнее точно. Хотя и вечером тут тоже было не тихо, музыка орала со всех сторон. Но вчера Маша, зарывшись под одеяло и вздрагивая от усталости, ее не воспринимала. Слезы и переживания заслоняли все, отгораживая от внешнего мира, как ватной стеной. Потом она заснула глухим черным сном. А вот пробуждение...

Голоса. Почему-то такие ужасно визгливые. Смех. Звонки. У кого ж там такой кошмарный рингтон... Звук работающего двигателя. Машина подъехала, двери хлопали. Снова голоса.

Все это взрывалось в мозгу тысячей иголок, вызывало отторжение. И в конце концов вытащило ее из постели. В ее одноместном номерочке площадью четыре квадратных метра (койка и тумбочка, по-спартански, без кондиционера) имелся санузел, это удобство особо подчеркивалось квартирной хозяйкой, вот туда-то Маша и заползла спросонья. Чтобы увидеть заплывшие от вчерашних слез глаза и опух-

шую физиономию.

С этим надо было как-то бороться. И самое действенное средство – холодный душ. Но принимать его надо было сидя на унитазе, потому что встать там все равно было некуда. Душ помог кое-как вернуться к жизни.

А шум снаружи только нарастал. Маша болезненно поморщилась, глядя на себя в запотевшее зеркало, и пошла к квартирной хозяйке просить аспирин. Стоило ей появиться, как голоса вдруг смолкли и все разом на нее уставились.

– Здрасьте, – пробормотала Маша, обращаясь ко всем и ни к кому, а потом глянула на квартирную хозяйку. – Анаида Карповна, у вас есть что-нибудь от головы?

Та было дернулась, но раньше успела женщина лет тридцати с гигантским бюстом. Вчера Маша ее не видела, очевидно, приехала сегодня. Женщина оглядела Машу странным оценивающим взглядом, сделала знак – мол, сейчас, и позвала:

– Ваник, подай мою сумочку.

Мужчина, копавшийся в багажнике, что-то буркнул.

– Ваник, пожалуйста.

Нехотя и морщась, мужчина принес. Маша даже поразилась контрасту – такая сочная дама с выдающимися округлостями и невысокий лысоватый мужик с пузцом и кривыми волосатыми ногами. Но еще больше ее поразил странный заискивающий взгляд квартирной хозяйки. Однако она взяла у грудастой дамы таблетки, поблагодарила и ушла к себе.

Выяснилось все довольно скоро. Буквально следом пожаловала квартирная хозяйка. Оказалось, этот «пятизвездочный отель» принадлежит тому лысоватому дядечке, и теперь внезапно он приехал, так что....

– Мне съехать? – прямо спросила Маша.

– Нет, что ты, – Анаида Карповна застеснялась. – Просто предупредила. Ты поосторожнее с Ваником Георгиевичем, Надежде не понравится.

Стало быть, объемную даму звали Надежда.

– Это его жена? – спросила она.

– Нет, это любовница Ваника Георгиевича, – шепотом сообщила Анаида Карповна. – Хозяйка с детьми приедет в конце месяца.

Маша слегка зависла. Прямо сериал какой-то. Санта Барбара. Неприятно резанула досада, как будто, выбираясь из одной грязи, угодила в другую, еще гуще.

– А скажите, где здесь поблизости салон связи? – спросила Маша, стараясь не думать об этом. – Мне нужно симку купить.

Оказалось, ближайший салон связи, а также «Магнит», аптека и прочие блага цивилизации за пять километров отсюда, автобус будет через час. Но господин Ваник, косо поглядывая на Машины ноги в коротких шортах, предложил подвезти. Реакция его объемной Надежды последовала моментально:

– Ваник, мне тоже нужно купить купальник! И крем! И

еще массу всего!

В центр цивилизации они выехали втроем. Маша сидела на заднем сидении, и это было совсем не здорово – ощущать повисшую в салоне напряженность. Потому что господин Ваник время от времени бросал на нее странные взгляды в зеркало заднего вида, а грудастая Надежда из кожи вон лезла, стараясь завладеть его вниманием.

Поездка прошла отвратительно, зато Маша приобрела наконец симку. Да не одну, а целых три, на все три оператора. И первое, что сделала, это позвонила матери, чтобы та не беспокоилась.

Потом был проход по местным магазинам. Пока долго и нудно выбирались разнообразные курортные товары и прочая дребедень, Маша вынужденно торчала рядом, кожей ощущая напряженное внимание этой Надежды и липкие взгляды Ваника Георгиевича, который, судя по всему, считал себя неотразимым мачо.

Хотелось скрыться куда-нибудь, чтобы их не видеть, а в голову лезло только одно: «Господи, что я тут делаю?»

Потому что это напоминало копошение в объедках. Насколько ущербно, НЕ чисто, лицемерно и пошло... Особенно на ее свежие душевные раны. Как воочию, увидела то будущее, что ей предлагалось.

Как только приехали обратно, забилась в свою комнатенку и залезла под душ. Господин Ваник со своей шумной пассивностью уехали на пляж, остальные отдыхающие тоже разбрелись,

насталла тишина. И слава Богу.

Маша уселась на кровать, подумала, подумала и позвонила отцу. Она звонила ему нечасто, когда ощущала потребность в поддержке. Поговорили неожиданно хорошо, правда, когда отец спросил:

– А что у тебя с этим Андреем?

Маша закрыла рот рукой, чтобы не застонать. Просек...

– Да ничего, – постаралась как можно беззаботнее. – Просто друг. Кстати, он на моей подруге Ане женится. Скоро свадьба.

А сердце сдавило болью. Как-то разом нахлынули воспоминания, которые она усиленно старалась подавить.

– Понятно, – проговорил отец после паузы.

Потом добавил:

– Я тут звонил одному нашему немцу, он согласился посмотреть твоё резюме. Так что отдыхай пока, набирайся сил, а через месяц...

– Пап! Спасибо тебе огромное! – подхватила Маша.

Месяц?! Ковать, пока горячо! Тем более что к отдыху и курортным развлечениям после сегодняшнего было устойчивое отвращение. А этот шанс найти хорошую работу – как подарок судьбы! Как внезапный свет в конце тоннеля.

Хорошо, что она захватила с собой ноутбук. Интернет тут был корявый, перепробовала все симки, но через полчаса мучений, зажимая кулаки на удачу, Маша смогла-таки отправить в указанный отцом адрес своё резюме.

Ответ пришел вечером, а с ним приглашение на собеседование.

Глава 3

Нормально подготовиться к традиционной свадьбе за один месяц – адова гонка. И это еще притом, что большую часть подготовки на себя взяла родня невесты. Но и Андрею приходилось круто поворачиваться. Всего-то первая неделя пошла из этого предсвадебного марафона, а он уже задолбался метаться в сто мест, договариваться, смотреть, выбирать. И это только начало.

Все эти идиотские финтифлюшки, в которых он вообще не видел смысла. Но в глазах невестиной родни каждая мелочь имела глобальное значение. Анькин дядька, главный спонсор мероприятия, настоял, чтобы они обязательно венчались, и не абы где, а в кафедральном соборе. А там таких, желающих непременно статусное венчание, пруд пруди, записываются за три месяца вперед. Пришлось суетиться, чтобы кого-то подвинули и впихнули их. ***дец, как его все достало!

Только на полпути к загсу, а это уже походило на тяжелую повинность.

Еще Андрей вынужден был каждый вечер торчать у своей невесты. И ни намек на секс. А ему это было нужно, стравить напряжение, расслабиться, забыться наслаждением. Потому что привык получать эту дозу глупого и стыдно-

го, но такого сладкого человеческого счастья.

Потому что Машка всегда была под рукой. За последние три года у него даже других баб не было, кроме нее. Никогда не задумывался на эту тему, но, несмотря на неординарный аппетит, почему-то хватало. А сейчас, когда он так остро нуждался в ней, Машка вдруг вздумала исчезнуть.

От всего этого Андрей ощущал эмоциональную усталость, вроде надо радоваться, а на душе дерьмово. Приходилось делать усилие над собой, улыбаться и шутить, жрать тещину еду и, с затаенным раздражением глядя на красиво смущавшуюся невесту, думать, что скоро его вынужденное воздержание закончится.

Но это думали мозги, а тело почему-то не хотело радоваться этой мысли, зато память как специально подбрасывала моменты их с Машкой последней близости, да такие яркие, что у него невольно прикрывались глаза.

И тогда ему хотелось добраться до Машкиной тонкой шейки, сдавить ее как следует, а потом загнуть и трахать. Чтоб орала. Чтоб глаза закатывались от удовольствия. Чтоб текла как сучка.... Черт бы ее побрал!

Он еще несколько раз звонил ее матери, выудил у нее номер, с которого Маша выходила на связь в последний раз. Хотел просто поговорить. Услышать ее голос. Сказать, чтоб не дурила, ехала назад. Абонент недоступен, и все.

Ничего, вернется, думалось в такие минуты, она ему за все ответит.

Столько всего навалилось разом и захлестывало иногда до бешенства. И тем не менее, пусть косо и с потерями, но он неуклонно продвигался к своей цели.

А цель оправдывает средства.

***

В конце концов, что может случиться за одну неделю?

Ну, если за пять минут жизнь может рухнуть в тартарары, то за целую неделю...

Получив приглашение на собеседование, Маша в первый момент даже испугалась, не ожидала, что колесики завертятся так быстро. Заметалась по комнатенке в панике, то кида-ясь собирать вещи, которые еще и не распаковывала толком, то застывая в прострации. Потом побежала на море, хоть разок искупаться.

От всего этого у нее дух перехватило, вроде и страшно, и новой жизнью повеяло, как будто ветер ворвался в раскрытое окно. Даже боль сердечная как-то на второй план отошла.

Анаида Карповна, конечно, расстроилась, когда узнала, что новая жиличка съезжает так быстро. Это ж ей опять ехать ловить отдыхающих. Зато Надежда не скрывала облегчения и даже вызвалась помочь с билетами.

В итоге вечером следующего дня Маша уже была в Москве.

Встречал ее отец. Давно не виделись, оба за это время успели изрядно измениться. Он постарел, а она...

— Машенька, дочка, какая же ты у меня стала красивая, — вздохнул он, застывая на миг.

Потом словно спохватился:

— Ну, поехали, поехали скорее. Там нас уже заждались.

Конечно, не случись с Машей всего этого, неизвестно, как бы она отнеслась к новой жене отца. Мачехе то есть. А так, в ее теперешнем состоянии, эта небольшая улыбчивая женщина не вызвала у нее отторжения. Отец напряженно следил за ее реакцией и успокоился, только когда знакомство прошло удачно. Маше показалось, отец был благодарен за то, что она приняла его выбор.

Это все было ново, и опять не было времени думать и жалеть себя. К тому же ее уже начала поглощать знакомая предэкзаменационная лихорадка. Завтра на собеседование, а она и не готова, и не одета соответствующим образом. Короче, кошмар. Отец об этом знакомом немце особо не распространялся, просто сказал, что его зовут Отто Маркович Рихтер. А какой он, что будет спрашивать, что ему отвечать...

В общем, в 11.30 Маша, трясаясь от страха и волнения, переступила порог кабинета. В нее уперлись прозрачные голубые глаза.

Трудно сказать, что, вернее кого, Маша ожидала увидеть, потому что она и так едва дышала от волнения, а под этим взглядом замерла, как кролик перед удавом. Мужчина лет

сорока пяти, представительный. Коротко стриженные темные волосы, дорогой костюм, галстук. Какой-то слишком правильный. Истинный ариец, подумалось вдруг Маше.

И взгляд у арийца был пронзительный и суровый, как будто говорящий: это еще кто пришел отнимать мое время? О... Маша застыла на пороге, что-то уж очень захотелось повернуть обратно и прикрыть за собой дверь. И тут раздалось:

– Мария Вайс?

– Э... Да, д-добрый день, – проговорила Маша, чуть заикаясь под взглядом этого офисного чудовища. – Я Мария Вайс.

– Хорошо, проходите, – указал на посетительское кресло перед рабочим столом. – Дайте мне одну минуту. Пожалуйста.

И уткнулся в монитор компьютера. А Маша присела на краешек кресла. Спину ровно, подбородок повыше, но не задирает (гордость и самоуважение), сложила руки на коленях и замерла в ожидании. А мужчина, переключившись на экран, перестал обращать на нее внимание, видимо, работал. И тогда она, вроде как предоставленная сама себе, стала незаметно осматриваться.

Кабинет был светлый, стильный, технократичный. В углу вделанный в стену большой аквариум. На рабочем столе царила идеальная чистота, но вместе с тем имелась пара штучек для уюта, типа дизайнерского органайзера, но всего этого было немного. Можно сказать, кабинет был «жизнера-

достный».

А между тем в кресле напротив восседал...

Опять этот суровый пронзительный взгляд, брови чуть сдвинулись к переносице. Маша еле успела отвести глаза. Мужчина сложил вместе пальцы и теперь окончательно переключил на нее свое внимание.

– Итак, Мария Вайс...

И пауза.

Маша нервно сглотнула, изображая подобие офисной улыбки, и незаметно затеребила краешек юбки. Но спину ровно. И подбородок не опускать. Держать паузу под этим принизывающим взглядом было совсем непросто. Маше показалось, что он всю ее подноготную как под микроскопом видит.

Брови мужчины шевельнулись, левая рука медленно переместилась, чтобы взять ручку. Маша невольно проследила взглядом, как он повертел в длинных пальцах ручку и положил рядом. Именно этот момент он выбрал, чтобы продолжить:

– Знаете ли вы, что среди специалистов по информационной безопасности доля представительниц слабого пола составляет примерно 5-7 % процентов?

– Да. Мне это известно, – вопрос был ожидаемо неприятный, Маше пришлось держать лицо.

– И вы тем не менее хотите работать?

Это все напоминало допрос и начинало немного раздра-

жать. Маша понимала, что ее тут вообще принимают «по благу», потому что папа потрянул какими-то своими старыми связями. И все же такой откровенно сексистский подход был неприятен. Как будто она букашка какая-то. Довольно за это короткое время досталось ее женской гордости, чтобы ущемлять еще и профессиональную.

– Да. Я хотела бы работать, – утвердительно кивнула она, еще больше выпрямляясь и неосознанно сжимая кулаки.

– Очень хорошо.

Маша с трудом удержалась, чтобы не разинуть рот от удивления. Потому что приказной голос превратился в довольно приятный, располагающий к себе баритон.

– Как у вас с немецким?

– Э...

– Зовите меня Отто Маркович, – проговорил ариец, непринужденно шевельнув кистью. – Так что у нас с немецким?

– Простите, не очень. Английским я владею значительно лучше, – выдавила Маша, ощущая, что краснеет от досады. – Но я нагоню в кратчайшие сроки. Даю слово.

– Да уж, вы постарайтесь. Потому что стажировку будете проходить...

А!!!... У нее чуть не закружилась голова. Дальше Маша слушала как в трансе, почти не слыша, что этот дядечка-ариец вещает. Стажировка в Германии!

Из эйфории ее вывело суровое:

– Даю вам месяц испытательного срока. К работе приступите с завтрашнего дня.

Не веря своему счастью, Маша пролепетала:

– Спасибо, Отто Маркович!

Мужчина кивнул в ответ. Потом сказал, прочищая горло.

– Смотрите, Мария, платить я вам буду сначала немного, – он назвал сумму. – Но остальное в ваших руках. Покажете себя хорошо – будете получать гораздо больше.

Даже то «немного» был предел ее мечтаний, да даже если бы вообще не платил ей сначала! Маша чуть не вприпрыжку побежала оформляться.

***

Девушка вышла из кабинета, а мужчина, сидевший за своим рабочим столом, почесал правую бровь и пожевал губами. Вкупе с его идеальной офисной внешностью это смотрелось несколько... двусмысленно и лукаво. Потом взял смартфон и сделал звонок.

– Ну, Володя, посмотрел я твою девочку. Только чего ты говорил – бумажки перекладывать? Из нее выйдет толк. Резюме хорошее, чего не знает – подучится.

На том конце удивленная благодарность.

– Не благодари. Сейчас месяц отработает, посмотрим, что и как, а потом буду натаскивать ее. Хочу отправить на ста-

жировку. Да, сам знаешь. Взрослых мужиков брать неинтересно, они, конечно, опытные, но почти все закостеневшие, никакого развития. А у молодых ребят, как это... верхняя голова с нижней работает коллегиально и не всегда имеет решающий голос. Ты уж прости за грубость, Володя, но насмотрелся.

Очередная порция удивления, сдержанный смешок и благодарность на том конце. А Отто Маркович откинулся в кресле и со вкусом произнес:

– Перестань. В ней есть здоровая злость и решимость добиваться успеха, училась девочка хорошо, значит, анализировать может. А работать я ее научу, будет вести большие проекты. Мне, знаешь ли, на выезде такой помощник рядом очень даже нужен. Что? Да присмотрю я, конечно! Обижаешь, – хмыкнул он, растягивая губы в улыбке, и ловко закинул ручку в органайзер.

Разговор прервался, а мужчина задумался, уткнувшись носом в скрещенные ладони. Владимир просил найти дочке какое-нибудь занятие, главное, чтобы была при деле, пусть хоть на ксероксе бумажки размножает. А девушка неожиданно оказалась не такой, как он себе представлял.

Он увидел в ней состоявшуюся личность. Сильную. И это странное сочетание цветущей молодости и затаенной боли в глазах. Сочетание жизненного опыта и чистоты.

Да и внешность у этой Марии Вайс была располагающая. Весьма.

Отто Маркович крикнул, оттягивая узел галстука. Красивая голубоглазая блондинка, точеная, породистая и при этом не... кхम्म.

Вообще-то так и лезло на язык типично мужское определение, но он про себя сформулировал деликатнее: без розовых соплей и брачных планов. Умеет себя держать, умеет скрывать свои чувства. Хотя огонек протеста он в ее глазах заметил. Но это даже хорошо.

Ну что ж, перспективным помощником он обзавелся.

Теперь интересно было посмотреть, как на нее отреагирует мужской контингент его компании. А в том, что на нее отреагируют, он ни минуты не сомневался, такую девушку не заметить невозможно.

И главное – как отреагирует она.

***

Весь остаток дня Маша ходила как во сне, то и дело хотелось ущипнуть себя, чтобы проснуться. Вечером дома отец и мачеха по-быстрому накрыли импровизированный стол, отметить Машино трудоустройство. Ее принципиально до готовки не допустили, велели отдыхать. Заслужила.

Уже потом, глядя, как эти двое мыли посуду и возились на кухне, Маша думала – кто она такая, чтобы судить, а тем более осуждать отца, что нашел свое счастье? Невольно вспом-

нилось, как мать с отцом вечно ругались из-за всего, так в конце концов и расстались. Жаль, конечно.

Подумала и, поймав на себе взгляд отца, улыбнулась ему, Ушла к себе в комнату, позвонила маме, а после долго сидела на кровати, уставившись в одну точку, еще и еще раз прокручивала в голове сегодняшний день.

Наконец забралась под одеяло и закрыла глаза.

И вот тут началась совсем другая жизнь.

Потому что днем она могла загнать все вглубь, держать себя, как стальными тисками, а ночью воспоминания приобретали совсем иную власть. Становились горячими, яркими, всеильными. Воспоминания рвались криком из души, душили.

В такие моменты она чувствовала себя так, словно с нее содрали кожу и бросили посреди соляной пустыни. Горько, а вместо сердца кровоточащий комок боли.

За что? За что?!!!

Мой милый, – что тебе я сделала!

За что? Станный вопрос. За глупость, конечно же. Сама виновата во всем.

Сама – приходило осознание, закольцовываясь болью. И тогда воспоминания проливались слезами. Словами, которые она говорила ЕМУ в душе, словами, которых ОН никогда не услышит. Никогда.

Незаметно пришел сон. А во сне она снова видела его...
Так нельзя.

***

Вторая неделя пошла, а от Марии ему так и не было никаких вестей, и то странное чувство, что Андрей давил в себе с самого начала, теперь плотно угнездилося в глубине души. Он злился, испытывал досаду, готов был винить истеричную идиотку во всех смертных грехах, но потихоньку осознание просачивалось.

Нет, отмахивался он, не желая верить. Просто устал. Просто зае***лся вторую неделю без секса!

А этой ночью он видел во сне ее. Машку.

И чуть не сошел с ума. Опять это ни с чем не сравнимое, грешное, сладкое захлестнуло его с головой, как тогда. Пил, не насыщался...

Проснулся весь в поту, на смятых простынях. Обкончался, бл***, как сопляк. Встал, пошел под душ и долго стоял, закрыв глаза. Курил, не зажигая света, глядел в темноту за окном.

Потом зло затушил сигарету и пошел спать.

Белое платье шили на заказ. У портнихи имелись определенные связи, можно было договориться, чтобы за те же деньги привезли шикарное эксклюзивное платье из Израиля, но Аня хотела, чтобы это было только ее и только для нее. Никто перечить не стал. Любой каприз, воля невесты священна.

Для Ани вся эта предсвадебная суета была наполнена глубоким смыслом. И если бы не постоянно мучившее ее двойственное чувство, девушка была бы совершенно счастлива.

А чувства были, да. Огромная, просто невероятная гордость и страх. Постоянный подспудный страх, что разладится, не сложится. И хоть вроде никаких причин, а беспокойство всю душу вытягивало.

Ближайшую подружку она вспоминала, с Машиной мамой созванивалась. И да простит ее Господь, но с глубоким удовлетворением восприняла, что Маша уехала в Москву. Уехала – и хорошо, тут Аня готова была всем сердцем порадоваться, что подруге подфартило найти хорошую работу. Вот и пусть работает, строит карьеру. Главное, чтобы держалась подальше от их с Андрюшей семейного счастья.

На Андрея не могла налюбоваться. Он казался ей лучшим, самым мужественным, самым красивым, самым... Конечно, были в его прошлом некие моменты, которые Ане не

направились, но она склонна была думать, что все осталось в прошлом. Теперь-то, когда Марии рядом не было, он смотрел только на нее. А скоро они поженятся, и тогда...

Разные фантазии посещали Анину голову, ей казалось, что у них все будет сказочно. Иначе и быть не могло.

Всего две недели осталось до свадьбы.

Примерки каждый день, портниха отложила все заказы и занималась только ее платьем. Кринолин был уже готов, струящуюся воздушную ткань для юбки заранее выписывали из Израиля, осталось три дня подождать. А корсет уже готов и нижняя юбка из органзы. Оставалось сделать вышивку по лифу мелкими жемчужинками и стразами. А потом еще юбку по подолу. И фестоны, и розочки, и пелерину. А перчатки... Невероятная красота. Жаль, Андрюше нельзя показать, говорят, плохая примета.

Он и не интересовался.

Модель, наподобие которой решено было шить, выбирали придирчиво и долго, всей семьей. Андрей, которого это тоже стороной не обошло (то есть его бы не обошло в любом случае, потому что платье невесты оплачивал он, а родня невесты покупала ему костюм), высказался в пользу стильного прямого силуэта. Его выслушали, вежливо улыбнулись. И намекнули, что жених в свадебной моде не разбирается.

Ради Бога. Он больше в это дело не вмешивался, его вообще выбешивали все эти дела. Слепое бездумное следование традиции, ритуалы, бл***, лишние траты. Заикнулся на

свою голову, с тех пор молчал.

Единственное, что его сейчас волновало, – поскорее развернуть свой бизнес. У него были изначальные наметки, он даже раскручивал потихоньку, но только сейчас, с мощной финансовой поддержкой Аниного дядьки, смог выйти на серьезное дело. Но это требовало титанических усилий, а возня с бутоньерками, скатертями, пригласительными, шариками, букетами... Все это только отнимало время.

Да и с финансовой поддержкой тоже не все просто было. Никто ему бабок не дарил, дали в долг, как раскрутится, отдаст. Но он и этому был рад. Вот и крутился теперь как белка в колесе, чем, собственно, снискал у авторитетного родственника определенное уважение.

А как ему было не крутиться? Иначе же на стенку полезть можно.

От той дури, что постоянно в голову лезла, одно спасение – работа. Моментами ему казалось, что еще немного, и он свихнется от этого свадебного сиропа. Посещали малодушные мысли, что все можно отыграть обратно. Он убеждал себя, что это нормально, что любой холостяк в двадцать семь лет испытывает нечто подобное, но почему-то мало помогло.

Впрочем, так или иначе, а дела его усилиями все-таки шли в гору, но и день свадьбы приближался.

Глава 4

Если вчера на собеседовании папин знакомый и новый работодатель показался Маше даже милым (особенно после того как заговорил о стажировке), то первый же рабочий день мгновенно развеял все иллюзии. Время до обеда прошло под общим девизом: «Арбайтен, унд Арбайтен, унд Арбайтен! Как завещал великий Отто Маркович».

С утра на нее был сброшен список дел, которые нереально перелопатить и за неделю. А еще надо было бегать по кабинетам, носить бумажки, подписывать, переподписывать. И размножать. Даааа. Размножать бумажки на ксероксе.

К обеду у Маши от обилия бумажек уже глаза на лоб лезли. У нее вообще сложилось такое впечатление, что они эти бумажки год копили, ждали ее пришествия. Ощущала она себя курьером-практиканткой, совсем как во времена летней производственной практики на третьем курсе.

Вчерашние радужные перспективы и стажировка разом отодвинулись куда-то за горизонт. Нет, она, конечно, подозревала, что придется работать с полной отдачей, чтобы показать, на что способна. Но никак не ожидала, что работы будет столько.

Но и это еще не все. На нее за это утро приходило поглазеть, наверное, все мужское народонаселение офиса. Раз-

нообразным товарищам вдруг ужасно срочно понадобился именно тот ксерокс, к которому она была прикована, как рабыня на плантации. Хотя беглым взглядом Маша, только войдя в офис, определила, что оргтехника тут современная, высококачественная и высокопроизводительная. И не в одном экземпляре, а в каждом кабинете.

Впрочем, ей не надо было долго ломать голову. Маша прекрасно понимала причину такой активности. Все они просто пришли оценить новую «блондинку», которую их шеф неизвестно из каких соображений решил взять на работу.

А Отто Маркович... Первое впечатление все-таки не было обманчивым. Офисный монстр, перфекционист, истинный ариец во всем! Голоса не повышал, достаточно было взгляда.

Если честно, то посмотрел он в ее сторону всего два раза. Утром, когда она согласно полученной в отделе кадров инструкции явилась в его кабинет получать инструкции. И потом, когда отпускал ее на обед, после того как она перексерила тут половину офиса.

Строго посмотрел и спросил, что она успела по списку.

В первый момент у нее ушло сердце в пятки, потому что с этим размножением и беготней она ничего толком не успела. И Маше, у которой от голода живот к спине прилип, вдруг захотелось пристукнуть арийца. Но она проглотила возмущение, откашлялась и твердым голосом перечислила два первых пункта из общих тридцати двух.

Вот как можно, не меняя выражения лица, да вообще не

шевелиясь и ни слова не произнося, продемонстрировать подчиненному недовольство плохо проделанной работой? Как?!
Отто Маркович умел это в совершенстве.

Естественно, у Маши резко возникло устойчивое желание с пробуксовкой бежать устранять недостатки.

– Отто Маркович, я сейчас же приступлю, и к концу обеда...

– Конечно, приступите, пообедайте и приступите, – проговорил он, сворачивая окна на мониторе и вставая из-за стола. – А сейчас пошли. И запомните. Война войной, а обед строго по расписанию.

Маша слегка растерялась:

– Я... э...

– Вы, Мария Вайс, обедаете со мной. И привыкайте. Сегодня вы опоздали на минуту, в следующий раз являйтесь к обеду без опоздания.

И пошел к двери. Она так и не поняла, шутил он или был серьезен, когда говорил насчет опоздания к обеду. А если шутил, надо ли ей смеяться? Потом решила тоже на всякий случай держать покер фейс.

– Мария Вайс, вы идете? – окликнул, остановившись в дверях.

– Да, Отто Маркович, – проговорила она, усилием воли изобразив бледное подобие офисной улыбки.

Мужчина посторонился, пропуская ее. Выглядело вежливо и корректно. Как-то даже по-джентльменски. Особенно

когда он обыденным тоном осведомился:

– Как прошел ваш первый рабочий день до обеда?

Нет, это, конечно, трудно – уследить за сменами начальственного настроения, если у начальства на лице всегда одно и то же выражение.

***

Отто Маркович специально забрал девушку из офиса. Во-первых, действительно пора было на обед, а она, судя по служебному рвению, готова и дальше совмещать работу маленькой типографии, архиватора, систематизатора и так далее и тому подобное. А во-вторых, Отто Маркович, конечно, подозревал, что появление молодой красавицы в офисе не пройдет незамеченным. Но никак не ожидал, что девушка вызовет такой интерес у мужской части населения.

Его сотрудники с утра табунами толпились в множительной, уж он-то имел возможность наблюдать. Сначала было забавно, он посмеивался своей задумке. Потом вдруг понял: если так дальше пойдет, их палкой придется отгонять, чтобы они ей мозги не пудрили. Это ему уже перестало нравиться, заворочалось в душе странное недовольство. Вроде и специально устроил эту проверку, а вроде и...

Впрочем, как оказалось, девушка вполне способна сама постоять за себя. Вежливо, корректно отправила всех.

Отто Марковичу приятно было осознавать, что он в этой Марии Вайс не ошибся.

Но девушку надо было кормить. Иначе, работая в таком темпе, она загонит себя. И без того тоненькая как тростинка. Хотя как раз служебное рвение Отто Маркович отметил с удовлетворением как положительное качество. Однако следовало пронаблюдать ее в неформальной обстановке. Послушать. Потому и спросил про то, как прошел ее первый рабочий.

У девушки проскочил странный нечитаемый взгляд, потом губы дрогнули в зеркальной офисной улыбке, и она ответила:

– Спасибо, хорошо, Отто Маркович. Мне все понравилось, у вас отличная оргтехника и сплоченный коллектив.

Он отвернулся, скрывая неуместную улыбку.

Интересно, как скоро она сломается? Потому что если эта Мария Вайс продержится в таком режиме еще две недели, можно переводить ее в штат. И вот тогда начнется настоящая работа.

А пока Отто Маркович решил кое-что проверить.

***

Ситуация до такой степени напоминала небезызвестную сказку, что Маше хотелось закатить глаза.

Тепло ли тебе, девица, тепло ли тебе, красная?

Нет, серьезно?!

Теперь этот Отто Маркович с доверительным видом интересовался ее мнением о сотрудниках, с которыми она имела счастье сегодня познакомиться. Сначала Маша заподозрила, что он издевается, и собралась было свернуть тему. Однако что-то такое в тоне начальства и этот взгляд, чуть прищуренный и проницательный без меры, – все говорило о том, что вопрос не праздный.

Мария отложила вилку, свела руки перед собой и, глядя куда-то в пространство, постаралась дать точную характеристику всем, кого видела сегодня. А видела она, кроме дамы в отделе кадров и секретаря в приемной, одних мужчин.

Он выслушал внимательно. Кивнул и проговорил нейтрально:

– Неплохо. Всего два раза ошиблась.

У Маши челюсть отвисла. Это все-таки был очередной экзамен. Обидно стало, похоже на намек, что она не способна разбираться в людях. Ну да, была бы способна, сразу бы поняла, что к Андрею приближаться на пушечный выстрел нельзя. Ложка дернулась у Маши в руке, аппетит вдруг начисто пропал, она просела на стуле и сгорбилась.

И тут раздалось:

– Мария Владимировна, не расслабляйтесь, вам еще допечатывать. И тридцать вопросов по списку.

Ну конечно. Арбайтен!

Но только она вскинула глаза, чтобы сказать:

– Спасибо, Отто Маркович, я сыта.

Как он нахмурился и резко скомандовал:

– Ешьте быстрее, чтоб через пять минут тарелка была пустая.

Потрясенная Маша заморгала и невольно заработала ложкой как заведенная. Детский сад! А этот офисный монстр деловито осведомился:

– Вам какое мороженое – фруктовое или с шоколадной крошкой?

Нет, он точно издевался. Как кот с мышью. Надавит, отпустит, надавит. Как будто ждет, что она сломается. Промелькнула ужасная мысль: что если она действительно не пройдет испытательного срока, сломается? Придется возвращаться назад? Потому что сидеть на шее у отца после того, как она не оправдала его усилий, затраченных на ее трудоустройство, Маша бы ни за что не стала.

Но возвращаться в родной город ей нельзя. Там... Ей никак нельзя.

Она смахнула с лица остатки дурных мыслей и проговорила:

– Мне, пожалуйста, с шоколадной крошкой. И кофе.

И весь остаток дня проработала не поднимая головы. Главное, не думать, тогда не больно. Вымоталась так, что к вечеру ноги не держали. Уснула сразу, как только до постели доползла.

А ночью ей снилась свадьба.
Белое платье.

Глава 5

Две недели бешеной загрузки каждый день. Но она уже потихоньку начала входить в ритм. И даже почти справлялась с той тучей ежедневных заданий, которыми ее щедро пригружал Отто Маркович. Кстати, он еще бдел, чтобы она на обед ходила и не засиживалась в офисе вечером. Все должно успеваться в течение рабочего дня! Еще одна его аксиома, наравне с «обед строго по расписанию».

Зато домой Маша приходила – валилась без задних ног. Только поужинать, принять душ и сразу спать. А сны, вернее отрывки из них, которые ей удалось запомнить, были почему-то всегда одинаковые. Про белое платье. Прямо фетиш какой-то.

Как-то раз, уже к концу дня, она улучила минутку, ускользнув от бдительного начальственного ока в каморку при множительной, и залезла в интернет. Набрала в поисковой строке:

«Увидеть во сне белое свадебное платье».

И тут он ей выдал:

Чтобы точным было толкование сна, белое платье желательно как следует рассмотреть. Если оно новое, чистое, опрятное, сновидение обещает радостное событие. Заме-

ченные на белой ткани пятна могут настолько серьёзно повредить репутации, что пострадают отношения с любимым человеком.

Толкуя, к чему снится свадьба, белое платье на которой является непременно атрибутом, сонник рекомендует сновидцу не запираяться в четырёх стенах и чаще выходить в свет. Сон означает, что в противном случае важное мероприятие или весёлая вечеринка пройдут без вас.

Сон, в котором вам посчастливилось надевать белое платье, отражает вашу амбициозность. Сонник справедливо замечает, что вам нравится находиться в центре внимания и блистать своими успехами. Сновидение предостерегает, что у вас могут быть не только поклонники, но и завистники.

Увиденное во сне белое кружевное платье обещает, что у вас вскоре появится повод для искренней радости, настоящего праздника. Сон означает долгожданную встречу, свидание. С кем именно – сонник не уточняет, пусть это будет сюрпризом.

К чему снится подруга в белом платье, сонник толкует не очень обнадеживающе. Сон означает, что у подруги могут возникнуть проблемы со здоровьем.

Приснившиеся белое платье и фата означают, что в ближайшем будущем вас ждёт радостное событие, которое не просто доставит приятные мгновения, но и перевернёт ваше мировоззрение. Сновидение говорит, что вам предстоит

пересмотреть некоторые свои взгляды.

Примерка белого платья во сне олицетворяет ваше тайное желание увидеть себя в роли невесты. Сон помогает выявить потенциальных соперниц, в большинстве случаев они становятся участницами сновидения. В то же время, мерить белое платье во сне сонник считает не таким уж безобидным развлечением.

Если во сне вам довелось примерять белое платье, убедитесь, что оно принадлежит вам. Надевая во сне чужую одежду, вы принимаете на себя проблемы её владельца в реальной жизни. Так как речь идёт о белом платье, сонник предполагает, что проблемы могут быть связаны с чувственной и интимной сферой.

И под конец еще:

Если во сне вы видите на себе подвенечный наряд и находитесь на свадьбе, но невеста не вы и свадьба чужая и люди незнакомые, то в этом случае поспешите проверить свое здоровье.

Пройдите обследование: такой сон – верный признак скрытого и серьезного заболевания. Но есть и исключения из этого правила.

Маша закрыла рот рукой и вытаращила глаза. Да уж, совсем не невинное безобидное сновидение! А последние

строки про здоровье так вообще.

Амбициозность... Однако...

Стала судорожно вспоминать, как именно оно ей снилось, с пятнами или без. Повредить репутации – это как раз то, чего ей сейчас не хватало. Проблемы со здоровьем тоже. Особенно в чувственной и интимной сфере. Даже как-то страшно стало.

Но, как назло, вспомнить навязчивый сон целиком не удалось. Он приходил урывками, может оттого, что она сильно уставала и просто не помнила снов?

– Мария Владимировна, чем вы заняты? – начальственный голос Отто Марковича прозвучал над самым ухом.

Застигнутая врасплох, Маша чуть не подпрыгнула от неожиданности и постаралась побыстрее закрыть все окна на мониторе. А он прокашлялся:

– Кхम्म... Мария Вайс. Я, собственно, вас разыскивал с определенной целью.

Девушка готова была сквозь землю провалиться.

– Извините, Отто Маркович... – был соблазн соврать, но Маша вдруг взяла и выложила правду: – Сны. Хотела узнать, что они означают.

Отто Маркович шевельнул бровью, пожевал губами. Она уж напряглась, гадая, к чему бы это. Потом выдал:

– Отправляйтесь в отдел кадров. Там вас ожидает...

Маша спала с лица. Неужели провалила испытательный срок? Но Отто Маркович как ни в чем не бывало продолжил:

– Новое назначение. И, – он сделал многозначительную паузу. – Я даю вам неделю отпуска, съездите домой, привезите свои вещи. Володя сказал, вы с одной сумочкой приехали. Потом на это времени не будет, потому что начнется настоящая работа и параллельно обучение. Немецкий подтянули?

Не сразу Маша смогла ответить, рот у нее открывался, а слов нет. Потом-таки выдавила:

– Так я прошла испытательный срок?

Начальство выгнуло бровь.

– Я и не сомневался в том, что пройдете, Мария Вайс.

Развернулся и пошел к дверям. Тут Маша наконец отмерла и вскинулась, прижав руки к груди:

– Отто Маркович... Я...

– Можете не благодарить, Мария Владимировна, – обернулся он. – И кстати, белое платье во сне означает, что ваши личные качества или достижения в какой-нибудь области получают всеобщее признание. А также что вы услышите новость, которая окажется для вас выше всяческих похвал.

И ушел, оставив Машу в полном раздрае.

Так она справилась? Все серьезно?! Оооо...!!!

А у шефа встроенный рентген, видит и под углом, и сквозь стены!

Не успела унять радость и заметававшиеся мысли, пришло осознание. Пусть на пару дней, ненадолго, но ей придется вернуться ТУДА. Вновь окунуться в горечь недавнего прошлого. Внезапным холодом залило всю радость. Умом по-

нимала, что видеться с бывшими друзьями нельзя. Лишнее, она в себя пришла только-только.

А сердце защемило болью и забилось.

***

Назначение, новая должность, на этот раз уже настоящая, – все прошло немного отстраненно, почти во сне. Дома, конечно, по этому поводу был праздник. Отца просто распирало от гордости, а Маша все не могла прийти в себя.

Совсем как на вступительных экзаменах. Долго-долго читала свою фамилию в списках. Читала и не верила. Вот так и сейчас. Только тогда рядом с ней были ребята.

Память подбросила яркий момент. Маша стояла, застыв, смотрела на свою фамилию, потом уткнулась носом в ладони. Аня что-то тархтела, выискивая их в списках, потом кинулась ее обнимать, крича:

– Машка, Машка! Мы попали! Все трое!

Подошел Андрей, он немного отстал:

– Ну, поздравляю, девчонки! – и протянул обеим руки.

И они обе, смеясь, пришли в его объятия. Хохотали. Обнимались. Радость через край, до счастливых слез. Сердце, казалось, не помещается в груди, сейчас выпрыгнет обнимать весь мир. Потом долго гуляли по городу, смеялись, бегали по улицам, пугали криками прохожих.

Втроем, как одно целое. Дружья, студенческое братство. Казалось, это навечно.

Думала ли она тогда, что настанет день, когда сама мысль видеть друзей будет вызывать отторжение и боль? А вот пойдешь ты...

Заметив, что она рассеянна и немного не в себе, папа подошел и приобнял девушку за плечи.

– Хочешь, я поеду с тобой, помогу собраться?

– Ты? – удивилась Маша.

– Да, сумки-то, пойдешь, тяжелые будут? Косметика там, наряды...

Маша засмеялась. Отец улыбался, однако взгляд у него был вдумчивый и серьезный. Словно видел гораздо больше, чем она готова была показать. Взгляд обещал поддержку и защиту, и Маше вдруг так захотелось снова стать маленькой девочкой, вернуться в те времена, когда она шла рядом с большим папой, держась за его надежную руку. Но.

Она больше не маленькая девочка. Она теперь взрослая женщина с прошлым. И сколько можно водить ее за ручку? Ей самой уже впору начинать заботиться о родителях.

– Спасибо, пап. Я съезжу и за пару дней обернусь.

Ей нужно самой сделать это. Переступить через этот рубеж, через свою трусость. Перевернуть страницу. И жить дальше.

– Маме привет от тебя передам, – и подмигнула.

Отец закатил глаза. Потом все же спросил:

– А может, тут все купим?

– Шутишь? Я еще не зарабатываю столько! – вскинулась Маша.

В конце концов, ей всего-то надо было съездить домой, увидеться с мамой, забрать зимние вещи. Можно было, конечно, вызвать маму сюда. Но стоило ей представить, что встреча родителей в очередной раз выльется в выяснение, кто прав, кто виноват... Будет скандал, а она и без того устала от негатива. Пусть лучше держатся на расстоянии, так они хотя бы не ругаются.

Улыбнулась отцу:

– Спасибо, что с билетами помог.

– Да не за что, дочь, – вздохнул тот, как-то странно на нее поглядывая.

И уже выходя из комнаты, обернулся и спросил загадочно:

– Машунь, а как тебе наш Отто?

– Что?

– Ну...

– Монстр, – коротко сказала Маша. – Но идеальный босс. С ним работать просто...

Она даже затруднилась найти определение. Восторг? От его командного тона? Слишком смешно, да и на восторг ее чувства в последнее время мало были похожи.

– Да нет, Машунь, – папа почесал правую бровь. – Я говорю... э... кхмм. Ну, он четкий мужик, холостой...

– Отто Маркович?! Папа, он же старый! – вытаращила гла-

за Мария и прыснула со смеху.

– Да? Ну как скажешь, дочь, – проговорил папа, уходя.

Вот и что это сейчас было? Он что, ей этого Отто Марковича сватал?

Подскочила к зеркалу. Неужели все так плохо, раз ей, двадцатитрехлетней девушке, пожилого мужика сорока пяти лет сватают? Из зеркала смотрела красивая блондинка, ну, немного осунувшаяся, синяки под глазами, но в целом очень даже ничего. Потом представила этого офисного монстра и расхохоталась. Да чушь! Ерунда какая...

Потом села на кровати, прижимая руку ко лбу, и тихонько покачала головой.

Спать. Самолет с утра.

***

Говорят, дома и стены помогают?

Прилетев в родной город, Маша с большой оглядкой перемещалась по аэропорту. Все казалось, сейчас ее увидят. Как будто пряталась, но это и понятно: в этом городе жил единственный человек, с которым ей не надо видаться.

Тот самый, за кем еще недавно готова была босиком бежать на край света.

Однако прятаться глупо. Маша постаралась собраться, отгоняя от себя все ненужное. У нее короткий отпуск, два дня,

а потом...

Потом ее долго здесь не увидят. Еще по дороге сюда она все продумала. Будет работать, зарабатывать. Маму заберет отсюда. Чтобы ничего больше с городом детства не связывало. Кроме разве что воспоминаний. Но у воспоминаний есть одно хорошее свойство – мы носим их с собой.

Только дома смогла наконец расслабиться, потому что дома и стены помогают. Дом – убежище. И неожиданно для себя так разговорилась, а мама слушала ее рассказ обо всем и захлебывалась радостью. Переспрашивала по несколько раз, всплескивала руками, все же не каждый день узнаешь такое. И гордость за дочку.

Спрашивала про отца, осторожно так и поджимая губы:

– А... Володя там как?

Маша не стала ничего скрывать.

– Женился папа.

Мама сначала сникла и посмурнела, потом знакомая упрямая вертикальная складка образовалась между бровями, а на лице возникло привычное обиженное выражение.

– Такое добро не залежится.

Видя, что той даже через девять лет, прожитых порознь, все равно больно, Маша обняла мать и сказала:

– Но ты все равно лучше. И папа передавал тебе привет.

Женщина сначала держалась напряженно, а потом все же оттаяла.

– Ну и как он там?

Загадка, подумалось Маше. Вот и чего все время ссорились, когда были вместе? Ведь до сих пор помнят друг друга. Но вслух она ничего этого говорить не стала, а перевела разговор на самую благодатную тему – свою новую работу.

А про работу Маша могла говорить часами, впечатлений море. Мать слушала, слушала, а потом возьми да и спроси как будто невзначай:

– А этот Отто Маркович, он, говоришь, не женат?

– Мама. Он. Старый! – вытаращила глаза Маша, поражаясь, как они с отцом в одном направлении думают. – И вообще, мне вещи собирать надо!

– Ну ладно, это я так, – сразу сдалась мать.

И они вместе занялись сборами.

***

Ох, непросто собраться девушке. И то надо, и то, и все это в чемоданы пищит и не лезет. После двух часов титанических усилий они с мамой сидели на кухне, пили чай. Опять разговор пошел слово за слово, и тут мама сказала:

– А мне Анечка вчера звонила, про тебя спрашивала.

Маша мгновенно напряглась, аж холодок по спине пробежал. Но виду подавать нельзя.

– И что? – уткнулась носом в чашку, прихлебывая чай.

– Ну, я ей про работу твою рассказала.

Мать лучилась гордостью – еще бы, такая удача! Работа в международной фирме, это ж социальный лифт называется. А Маша слушала, кивала, сдержанно улыбаясь. Вроде все хорошо, а такая тревога и неприятное предчувствие в душе.

– А еще Андрюша звонил несколько раз. Да. Вот на днях звонил, – женщина нахмурилась, припоминая. – Тебя спрашивал. Но твой телефон никому не давала, как ты просила, дочь.

Это уже было слишком. Маша поставила чашку в раковину и встала так, чтобы мать не видела ее лица.

– Мам, ну же понимаешь, нельзя было, – от нервности у нее вырвался спонтанный жест. – Это чтоб не сглазить. Вдруг работа сорвется.

– Ну да, ну да... А теперь можно дать?

– Нет. Пока нельзя. Я... я потом, когда все устаканится, сама им позвоню.

– Марийка... – мать снова нахмурилась, склонила голову набок. – Ну, ты как знаешь, они твои друзья.

– Да, – улыбнулась Маша своей самой лучшей офисной улыбкой.

– Просто у них завтра свадьба. Поздравить бы надо, а то как-то не по-людски...

Внезапно звуки все исчезли, Машу словно колпаком накрыло. А потом вернулись грохотом в ушах.

– Свадьба, – повторила она. – Завтра?

Месяц предсвадебной агонии подошел к концу. Для Андрея это время прошло как-то черно, но чрезвычайно активно, работал на пределе сил. И все, что он сейчас делал, должно было принести результат в ближайшем будущем.

Можно сказать, он уже видел первые плоды. Это придавало сил, он чувствовал себя спринтером на старте и готовился сделать мощный рывок. И так слегка засиделся. Андрею было двадцать семь, в его возрасте люди уже поднимали огромные бабки, а он пока только начал.

Нестрашно, он собирался быстро наверстать, встать в один ряд с такими, как его отец. Вот тогда можно будет и говорить, когда они станут на равных. Главным образом, ему хотелось ткнуть в нос папаше, что обошелся без его денег и связей. Хотя, конечно, не совсем так.

Андрей понимал, что авторитетный дядька его невесты не просто так дал ему туеву кучу бабок под честное слово и не взял процентов. Думается, с первого же дня просек, кто у него папаша, да и потом как-то раз в приватной беседе намекнул, что не мешало бы наладить взаимодействие. Но Андрей сразу дал понять, что подниматься намерен сам.

– Уважаю, – сказал тогда дядька.

Больше они к этой теме не возвращались. Правда, Андрей моментами ощущал, что тень Вольского-старшего ма-

ячила за его спиной, как тень отца Гамлета. Но теперь наконец настал долгожданный момент, когда он сможет закрыть эту тень своей фигурой. Выйдет в большой бизнес.

И если к этому вхождению прилагается жена с ее родней, он готов был потерпеть. Думая о том, как его быстро постарались загнать в стойло, Андрей мог только мрачно усмехнуться. Думают, поимели послушного вола? Ну-ну. Где сядут, там и слезут. Ему, главное, побыстрее подняться. А там всем дорогу покажет, куда кому идти.

Жена... Андрей принял это решение не с бухты-баракты, слава Богу, имел возможность наблюдать за Анной шесть лет. Девчонка воспитана в традиционной семье, из нее получится хорошая послушная жена. Сядет дома, будет растить детей и вести хозяйство. В этом плане все было хорошо, тем более что за те шесть лет они привыкли друг к другу. Привычки для семейной жизни за глаза хватит.

Хотя, конечно, моментами взгляды на Анну, поглощенную свадебной суетой, не мог подавить мысль – а нафиг ему вообще это надо? Но усилием воли отгонял эту мысль, потому что видел цель.

В плане достижения цели все было хорошо. Прокрутил-ся, обеспечил тылы, начал поднимать дело, за год бабки отобьются, дело начнет приносить чистую прибыль. Все схвачено.

А завтра день X. Его свадьба.

Андрей представлял, сколько предстоит беготни и нерво-

трепки, а потом еще высидеть свадьбу. Его заранее выворачивало от всей этой показухи, но понимал: надо, работает на имидж. Его свадьбу запомнят. Сейчас как-то перетерпеть, потом будет проще.

Одно-единственное пятно было на тщательно спланированной четкой картине, но это пятно омрачало.

В спальне было темно, Андрей специально не зажигал свет. Курил в постели, закинув руку за голову, и прокручивал в голове странную мысль. За последнее время мысль оформилась и приходила не в первый раз. Пустота.

Как будто его лишили важного чего-то, как будто кусок души оттяпали. Пропало то незначительное, что каким-то образом уравнивало все остальное. Все, что он делал и к чему стремился в жизни. Открытие было неожиданным и не хотело поддаваться определению. Не готов он был признать, что секс с Машкой лежал на другой чаше весов.

Секс. Мужчина затянулся, уголек сигареты ярко вспыхнул в темноте, густой клуб дыма потек в легкие, а вместе с ним и тягучее пронизывающее ощущение, всплывшее из воспоминаний. Вторая рука потянулась вниз, туда, где ощущения концентрировались гуще и сильнее всего. Жарко... Под ребрами словно искрами обожгло.

Протяжно выдохнул и коснулся себя. Прикрывая глаза, увидел ЕЕ трясущиеся губы, затянутый дымкой желания взгляд и застонал, дернувшись болезненно-сладкой судорогой страсти.

Да, черт побери! Секс ему нужен, секс! Он слишком затынул с этим! Тогда и Машка лезть в голову перестанет!

Затушил бычок и пошел в душ, надо было довершить, иначе возбуждение не даст нормально спать.

***

Гулявшее в крови возбуждение наконец схлынуло, смываемое заливавшими несытое тело струями теплой воды, зато раздражение и обида на Марию вспыхнули с новой силой.

Он тут нервами изошел, метался как угорелый, ее искал. А эта сучка течная урвала в Москву. Нашла там хорошую работу. Быстро подсуежилась! Только из-под него вылезла, а уже вылежала или насосала, иначе кто б ей работу дал?

Ощущение, что его кинули, бесило страшно, рождая ревнивые мысли. Конечно, Андрей в глубине души так не думал, просто... ему, как ребенку, нужно было найти оправдание. Не готов был принять то, что она, возможно, вообще назад не вернется.

И начинал злиться по новой.

Не вернется – да и хрен с ней! Баб на свете много, не одна, так другая. Невелика потеря.

Но без нее было НЕ полно, и это придавало всем его победам привкус поражения.

Ерунда все. Мандраж перед свадьбой, хоть всякая хрень

в голову и лезет. Ничего, завтра все состоится, а неприятное чувство в груди – что поделаешь, жизнь так устроена, иногда приходится чем-то жертвовать.

Выключил душ и как был мокрый пошел в постель.

Завтра день X. Свадьба его, будь она неладна.

Глава 6

Что обычно снится невестам перед свадьбой?

Если провести на эту тему социальный опрос, такая чушь выяснится... Но видят все невесты разное. Кому-то розовые слоники или нежные руки и улыбка любимого, кому-то замки, море цветов. Или котики. Или собаки. Или рыба, которая к беременности... А кому-то старый баркас. Вот как Аня под утро перед самым рассветом приснилось.

Заброшенный баркас на песке, и она в своем белом платье. Его как раз накануне привезли. Красота сказочная. Аня даже не решилась примерить, стояла любовалась, по-детски сжав руки на груди. Платье висело в ее комнате на открытой дверце шкафа, туфельки на вот такой шпильке стояли под ним, остальные аксессуары на полках. Пелерина, перчатки, украшения.

На отдельной полке кружевные трусики и бюстгальтер, пояс, чулочки. Все белоснежное, нераспакованное, нетронутое. Все для него. Касаясь кончиками пальцев упаковок, Аня представляла, как Андрей будет касаться ее. Снимет...

Первый раз, все должно быть волшебным.

И тут такой сон. Аня понимала, что спит, но платье было на ней, так странно. А впереди дюны, песчаные холмы, а на них старый баркас, проржавленный, надпись на борту.

Аня во сне прочитала название, но почему-то тут же забыла. Вроде и не надо, можно платье запачкать, но она поднялась на борт. И так легко, но это же во сне.

А стоило ей подняться на палубу, как песок вокруг вдруг превратился в волны. И вроде уже не маленький ржавый баркас, а настоящий корабль. И она на палубе. Но корабль тоже был какой-то пустой, запущенный. Ржавый. А волны стали подниматься, качка...

– Дочь, пора вставать! Парикмахерша пришла, – разбудила ее мама.

Проснулась как из воды вынырнула. Первый взгляд на платье, оно как висело на дверце шкафа, так и висит, Аню чуть отпустило. Потом глянула на часы – 6.10 утра. Потерла глаза и мужественно встала. Прическу больше двух часов делать, а еще краситься, одеваться, а в десять Андрей придет ее выкупать.

От этой мысли на душе приятно стало, они столько приколов заготовили, столько заданий и загадок для жениха. Чтобы легко и быстро справиться, ему придется здорово голову поломать. И все это обязательно снимать, чтобы потом всем знакомым и друзьям раздарить диски!

В этот момент остро кольнула мысль о Маше. Маша ведь была ближайшей подружкой. Не разлей вода, практически на один горшок... Проскользнуло чувство неловкости и даже стыд, но Аня быстро отбросила это. Себе-то зачем врать.

Если честно, она испытывала огромное облегчение, отто-

го что Маши не будет на свадьбе. Потому что весь этот месяц вообще прошел с ноткой постоянного беспокойства. Хоть вроде у них с Андреем все и шло прекрасно, а все равно.

Для очистки совести она несколько раз звонила Машиной маме. И прости ее Господь, но очень обрадовалась, когда та сказала, что Маша в Москве. Вот и хорошо. Их с Андрюшей счастьем ничего не будет мешать.

Побежала умыться, странный сон забылся, и свадебная суета затянула ее, поглощая мелочами. В двенадцать их расписали в загсе, потом в два было венчание, потом мост, на мемориал, к стелле героев. А в промежутках колесили по городу. И снимали, снимали, снимали. До бесконечности.

И когда наконец все состоялось, она смогла выдохнуть и немного расслабиться.

Оставалось только свадьбу отгулять в ресторане – и все.

***

В первый момент, когда мама сказала, что у Ани и Андрея завтра свадьба, Маше показалось, сердце замерло. Как потолок на голову обрушился, таким неожиданным был удар. Но спасла, как ни странно, двухнедельная дрессура в офисе Отто Марковича – выработавшаяся за это время привычка постоянно быть на взводе и начеку. Быть сильной, держать лицо и улыбаться. Быстро, но это уже приросло к ней второй

кожей. А может быть, как раз душевная рана и дала толчок, выпустила эту силу? Как знать, просто ей этого месяца хватило, чтобы разом повзрослеть.

Поэтому Маша обернулась, проговорила с нейтральной улыбкой:

– Завтра? Вот и отлично. – И ушла дальше паковать чемоданы.

Мама проводила ее задумчивым взглядом и нахмурилась, но Маша этого не видела.

Если до того она паковала свой багаж старательно и быстро, то теперь движения стали еще точнее и ускорились. Времени на аналитику, что выбрать, больше не тратила. Любимые платья, одежда, которая когда-то нравилась Андрею, – все это было отброшено в первую очередь.

Ее Мария упаковала отдельно в огромный пакет из магазина мехов и отставила в сторону. Сначала хотела выбросить, потом стало жалко, шмотки-то хорошие, много совсем новых, она вообще была аккуратна в одежде. В комнату как раз тихо вошла мама, и решение возникло само собой.

– Я тут ненужное собрала, ты как в деревню поедешь, раздай там соседкам. В огороде работать пригодится.

– Марийка... – изумилась мать, – так все хорошее же, модное! Как отдать-то?

К этому вопросу Маша уже была готова. Взглянула на маму серьезно, невольно скопировав выражение лица Отто Марковича, и произнесла:

– Мам, я работаю в серьезной фирме. В международной фирме! Там же строгий дресс-код. А это... – она махнула рукой в сторону пакета. – В общем, оно мне не понадобится.

– Да... ну хорошо, как скажешь, – внезапно согласилась мать, погладив ладонью видневшееся на самом верху вечернее платье, в котором Маша ходила на выпускной.

Платье было красивое, темно-синяя ткань, переходящий в черноту отлив, совсем как небо южной ночью. Строгий облегающий силуэт, маленькие полупрозрачные вставки на груди, высокий разрез, висюльки по краю. Маша в нем смотрелась идеально.

Мама шевельнула бровями, взяла пакет.

– Ладно, отдам Петровне, то-то ее девочки обрадуются. Старшая как раз школу на будущий год заканчивает.

– Вот и хорошо, – отозвалась Маша, продолжая быстро и беспощадно потрошить свой шкаф.

Но мысленно была она в тот момент уже далеко.

***

Тяжело далось Маше все это. Множество сомнений, боль. Только вроде тонкой кожицей прикрылась рана, а теперь все всколыхнулось, треснуло, содрало корку, и потекла из души кровь.

Но умереть можно лишь однажды.

Она уже умерла тогда, в кабинке женского туалета на выпускном. Больше той Маши нет, есть другая. Вот только кто сказал, что у этой другой сердце не болит?

Ворошить свое прошлое, снова и снова искать, в чем была неправда, где ошибка, – занятие не из приятных. Зачем, если все очень просто? Просто не заметила, что нет больше друзей, а она стала в этом их треугольнике самой длинной стороной, лишней.

Убийственно ярко встал перед глазами их последний разговор с Андреем. Ее жалкое блеяние, его жестокие в своей циничности слова.

...Что у нас с тобой было, Маша? У нас был секс.

...Я бы все равно никогда на тебе не женился.

...Не такая...

...Ты себе не простишь, если испортишь жизнь ближайшей подруге.

...Не такая...

Она действительно не такая. И ничего он в ней не понял.

А если такова ее цена, то жалеть не о чем. Просто страшно и смешно вдруг стало: неужели можно до такой степени быть душой? Еще и слезы лить, переживать?! Не зря говорят, что глупость не лечится.

А завтра у ее друзей свадьба.

Как представила Андрея в костюме жениха, подругу свою

Аню в белом облаке фаты, кольца, цветы, счастье – сердце снова запеклось огнем обиды.

...Ты себе не простишь, если испортишь жизнь ближайшей подруге.

Но в этом он ее хорошо просчитал. Портить жизнь Ане и Андрею она действительно не собиралась.

Просто мысль одна в голову пришла.

***

Как мама сказала? Поздравить бы надо, а то как-то не по-людски.

Столько лет дружили, а тут даже не пришла к друзьям на свадьбу. Что люди подумают? Нехорошо это, рушит благостную картину, сплетни разные поползут.

Маше было начхать на сплетни, особенно теперь. Но то, что Андрей ее выпотрошил и бросил, не отменяло шести лет дружбы с ним и с Аней. Как говорится, закон обратной силы не имеет. Они фактически прожили эти шесть лет вместе, слишком много хорошего осталось в том прошлом, где они были просто друзьями. Это потом мир исказился.

Прошрое так и останется в прошлом, но поздравить друзей со свадьбой у нее сил хватит. Однако ее вроде как никто

не приглашал, поэтому пусть будет сюрпризом. И надо хорошенько все продумать. Хотелось, чтобы последняя встреча запомнилась радостной.

Чего бы ей это ни стоило.

Итак, сюрприз...

Маша притворила дверь в свою комнату, потом отодвинула гору шмоток, лежавших на кровати, потянулась к телефону и набрала номер их одноклассницы Белки Сагитовой. Белка была колоритной личностью, носила увеличивающие глаза очки, имела огромный зад, четкий взгляд на жизнь и весьма богатого папу. Близкими подругами они не были, но всегда нормально относились друг к другу.

Общаться оказалось неожиданно приятно. Честно говоря, Маша побаивалась, что Белка начнет докапываться, спрашивать зачем да почему. Но та совершенно искренне ее поздравила и неудобных вопросов не задавала. Наверное, потому что Сагитова и сама была больше ориентирована на карьеру, об этом они с ней и говорили.

Потом разговор все-таки перетек на предстоящую свадьбу Вольского и Дубровиной, на которую, как оказалось, была приглашена вся их группа.

– Слушай, я чего звоню, – начала Маша. – Они же не знают, что я в городе. Хочу сделать сюрприз. Поможешь?

– Спрашиваешь? – понимающе фыркнула Белка. – Обожаю сюрпризы!

Ночью Маше долго не спалось, опять думала. С новой силой надвинулись сомнения. А надо ли это вообще? Прежней уверенности как не бывало, и Маша готова была отказаться от своей затеи. Вместо того чтобы спать, выбралась из постели и закончила паковать чемоданы.

Но утро вечера мудренее. Потому что под утро она все-таки заснула. А проснувшись, подумала, что гештальт должен быть закрыт. Ей нужно воочию увидеть их вдвоем, принять окончательно. Чтобы не трепыхалась в душе дурацкая надежда.

Но перед этим надо было кое-что прикупить.

Из дому выходила, все оглядывалась по сторонам, правда, уже по инерции. Сама понимала, что с этим иррациональным страхом тоже пора кончать, и сегодняшний «визит к Минотавру», как она про себя называла поход на свадьбу лучших друзей, должен был поставить точку. Бояться больше нечего, самое страшное уже произошло.

Сначала приобрела платье. Долго выбирала, какое взять – красное или черное. И все-таки выбрала закрытое облегающее красное платье до колен и к нему элегантные красные лодочки на высокой шпильке.

Оглядев себя, осталась довольна. В облике девушки, которую она видела в зеркале, чувствовался огонь и одновременно

менно какой-то ледяной европейский лоск. Маша невольно подумала, что и это к ней за две недели работы в офисе налипло. Смотрелось дерзко, дорого, стильно и шикарно.

Потом подарок. Маше хотелось чего-то необычного, пу-
стячок на память. В сувенирном бутике неподалеку как раз обнаружилась музыкальная шкатулка с маленькой балеринкой в белом свадебном платье. А шкатулка непростая, с сюрпризом, внутри имелось специальное отделение, куда класть деньги. То что надо.

Осталось привести себя в порядок и дождаться момента Х.

Глава 7

День тянулся долго, томительно. Но вечер, однако, настал. Маша выждала еще час от времени, на которое было назначено начало мероприятия, и вызвала такси. Пока ехала к ресторану, отрешенно смотрела в окно и ничего не видела, не чувствовала себя. Сидела собранная, как перед боем, и застывшая, словно на похоронах, а в голове все вертелась фраза из одного стихотворения:

Ты на свадьбу зашла без подарка...

В точку. Только подарок у нее был. И не собиралась она сидеть до ночи, ей бы только поздравить, вручить подарок, попрощаться и закрыть эту страницу навсегда. Просто сюрприз.

– Приехали, девушка, – вырвал ее из раздумий голос таксиста.

– А... – очнулась она, протягивая ему деньги. – Подождете меня, я выйду минут через пятнадцать-двадцать?

Тот глянул не нее поверх очков и кивнул:

– Хорошо, только машину на парковку отгоню.

Теперь самое главное.

Вытащила телефон и набрала Белку Сагитову:

– Я здесь. Выходи.

Несколько минут ожидания.

Сколько – две, три? Тянулись так, будто это три года. Стоявшие в вестибюле молодые мужчины открыто разглядывали ее, не скрывая своего восхищения. Один даже присвистнул и протянул:

– Lady in red! Везет же кому-то...

В другое время Маша, наверное, оскорбилась бы. Но сейчас сковывавшее ее напряжение одновременно обострило чувства до предела и словно обрубил рецепторы. Странно состояние – чутко реагировать на все и при этом ничего не чувствовать.

Видя, что «девушка в красном» по-прежнему стоит, словно ждет кого-то, от толпы молодых людей отделился наиболее смелый соискатель и направился к ней попытать счастья. Но в это время в вестибюле наконец появилась Белла Сагитова.

Уже датая, раскрасневшаяся и веселая, Белка оглядела вестибюль поверх очков. Увидев у входа Машу, решительно двинулась к ней. Маша встрепенулась, резко собирая в кулак все свои душевные силы, и с улыбкой пошла навстречу.

– Ну, Мария Вайс! Нет слов! П***ц, Машка... – Белка вытаращилась и развела руками. – Вот это я понимаю, Европа, бл***!

Схватила ее за руку и потащила в зал, что-то треща по дороге. Залов было так много, и везде какие-то застолья, сва-

дббы, сама бы Маша точно заблудилась в этом праздничном хаосе. Она шла рядом с Белкой, озиравась по сторонам, кивала, даже отвечала впопад. И даже смеялась.

Как будто внутри включилось что-то, что взяло под контроль все: ее мысли, чувства, ситуацию. Это что-то неимоверно жрало душевные силы. Маша знала, что потом наступит откат, но это будет потом. А пока...

***

Эта свадебная хрень продолжалась уже почти два часа. У Андрея зубы сводило от гиперактивной тамады, которую постоянно несло то в пошлятину, то в пафос. А до того был мучительно долгий и нервный пыточный день, но он выстоял и вытерпел все. Еще бы этот балаган до конца высидеть, и можно считать себя свободным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.